

Ю. М. СТЕКЛОВ

Бунтарство как метод борьбы

Если идеалом Бакунина была анархия, то методом его осуществления было бунтарство. Он настолько был проникнут бунтарским духом, что, как мы помним, объявил дух возмущения одним из трех основных исторических факторов наряду с животной природою человека и мыслью*. Если одним из элементов свободы он признает полное развитие человеческих способностей *в обществе*, то другим ее элементом он признает бунт человека против всякого авторитета, божественного и человеческого, коллективного и индивидуального**. Провозгласив на заре своей политической карьеры знаменитый принцип: «страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть», этот вечный бунтарь в последнем своем крупном литературном произведении заявлял, что без страсти к разрушению революционное дело немыслимо и невозможно, «потому что не может быть революции без широкого и страстного разрушения, — разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него и только посредством него зарождаются и возникают новые миры»***.

* «Бог и Государство» [М., 1906], стр. 3. Ср. там же стр. 5: «Да, наши первые прародители, наши Адамы и Евы были если не гориллы, то очень близкие родственники горилл, всеядные, разумные и свирепые животные, одаренные в большей степени, чем животные других пород, двумя драгоценными способностями — способностью мыслить и склонностью к протесту, к бунту, к революции. Многообразные комбинации этих двух способностей и составляют движущую силу исторического процесса, ведущего к полному торжеству человеческого начала над животным».

** «Dieu et l'Etat», — «Oeuvres» [Oeuvres [Произведения]. V. I–VI. Paris, 1907–1913], том I, стр. 282–283.

*** «Государственность и Анархия» [Женева, 1873], стр. 32.

«Как в природе, так и в обществе порядок без борьбы — это смерть»*. Борьба есть основной фактор жизни: «борьба, это — активная мысль, это — жизнь, а активная и жизненная мысль, это — сила»**. И это совершенно естественно: ибо «борьба — это жизнь, а жизнь — это сила». И Бакунин напоминает, что никогда Франция не была так сильна, как в те эпохи, когда она потрясалась внутренними конфликтами, как, напр., в 1792–1793 годах¹.

«Возмущение это — инстинкт жизни; даже червь и тот возмущается против давящей его ноги, и можно сказать вообще, что жизненная энергия и сравнительное достоинство всякого животного измеряются интенсивностью присущего ему бунтарского инстинкта. В животном, равно как и в человеческом мире нет более унизительного, бессмысленного и подлого свойства или привычки, как привычка к повиновению и смирению. И я утверждаю, что никогда на земле не было такого низко павшего народа, который, по крайней мере, в начале своей истории, не восставал против ига своих завоевателей, своих поработителей, своих эксплуататоров, против ига государственного». Государство победило; все до сих пор происходившие революции были лишь междоусобной свалкой привилегированных классов. «А массы? Увы! Следует признаться, они допустили себя глубоко деморализовать, расслабить, чтобы не сказать оскопить, разлагающим действием государственной цивилизации. Подавленные и униженные, они усвоили роковую привычку к бараньему послушанию и смирению и таким образом превратились в большие стада, искусственно разделяемые и загоняемые к вящему удобству их эксплуататоров всякого рода»***.

Бакунин поставил задачей своей жизни бороться с этим настроением трудящихся масс и вызывать в них склонность к активному протесту. В этом смысле он провозгласил культ Сатаны, которого он считал как бы воплощением и олицетворением бунтовского духа. Бакунин восхваляет Сатану, этого «вечного мятежника, первого

* «Парижская Коммуна» [Женева, 1892], стр. 15.

** «Lettres à un français» [«Письма по-французски»], — «Oeuvres», том II, стр. 115; ср. «Кнудо-Германская Империя» [СПб., 1907], стр. 61.

*** «Fragment... de l'Empire Knouto-Germanique», — «Oeuvres», том IV, стр. 453–455. «Только в инстинкте свободы, в ненависти к угнетателям и в силе возмущения против всего, что носит характер эксплуатации и владычества в мире, против всякого рода эксплуатации и деспотизма проявлялось человеческое достоинство наций и народов» («Кнудо-Германская Империя», стр. 135). «Бороться с врагом до крайности, не давая ему ни отдыха, ни срока, — это доказательство энергии, жизненности и моральности». «Циркулярное послание к итальянским друзьям», «Oeuvres», том VI, стр. 319.

свободного мыслителя и эмансипатора миров. Он заставляет человека устыдиться своего животного невежества и своей покорности; он эмансипирует человека, побуждая его послушаться и вкусить плода познания»*. Возражая маццинистам, которые надеялись отпугнуть итальянских рабочих от Интернационала, объявляя его делом дьявола, Бакунин восклицает: «Бедняжки! они, значит, не знают, что во все времена дьявол сильнее всего занимал человеческий род. А! Интернационал, это — воплощение Сатаны, значит с ним надо поскорее свести знакомство»**.

Современный Сатана, неукротимый бунтовщик, это — революционный пролетариат, который после каждого поражения восстает вновь с непобедимой силой. «По мацциниевскому, равно как по христианскому учению, зло — это сатанинский бунт человека против божественной власти, — бунт, в котором мы, наоборот, усматриваем плодovitое зерно всяческого человеческого освобождения. Подобно божемским фратичелли XIV века социалисты-революционеры в настоящее время узнают друг друга по следующим словам: *во имя того, кого несправедливо обидели, привет!* Но только современный Сатана, побежденный, но не усмирленный бунтовщик, называется Парижской Коммуной»***. И, как мы знаем, Прудона Бакунин хвалил за то, что тот в минуты революционного просветления «провозглашал анархию и поклонялся Сатане».

У Бакунина часто встречается выражение «черт в теле». Оно применяется им к людям, проникнутым «сатанинским» духом возмущения, «революционной страстью». Членов Конвента и в особенности Дантона он восхваляет за то, что они обладали этой страстью и благодаря этому могли творить настоящие чудеса. «Они имели дьявола в теле, и им удалось всадить этого дьявола в тело всей нации»****. Предвидя крестовый поход против социалистов в Германии, а за нею и повсюду, Бакунин заявляет, что он не боится этой войны, а, напротив, «рассчитывает на нее, чтобы всадить черта в тело рабочих масс. Она положит конец всем этим рассуждениям без разрешения вопроса и без конца (*ins Blaue hinein******), которые

* «Бог и государство», стр. 5.

** «La théologie politique de Mazzini et l'Internationale» [«Теологическая политика Мадзини и Интернационал»], 1871, стр. 24.

*** «La théologie politique de Mazzini», стр. 56. — Подчеркнутое приветствие итальянские бакунисты впоследствии применили к самому Бакунину и включили его в поднесенный ему адрес (см. том IV).

**** «Кнута-Германская Империя», стр. 41; ср. «Lettres à un français», — «Oeuvres», том II, стр. 88, 127 и след., 215, 233 и след.

***** [Как придется, наобум, без определенной цели (*нем.*).]

усыпляют, которые изнуряют, не приводя ни к какому результату, и она зажжет в груди пролетариата Европы ту страсть, без которой никогда не бывает победы»*.

Это выражение «le diable au corps»** попадает у Бакунина повсюду: и в его сочинениях, и в письмах, и в уставах организованных им тайных братств, и т. д. Как мы помним, «интернациональным братом», по тайному уставу его Альянса, мог быть только тот, кто «искренно принял всю программу со всеми ее теоретическими и практическими последствиями, и кто к уму, энергии, честности и скромности присоединяет еще революционную страсть — носит черта в теле». Относительно национальных бюро, составленных из «национальных братьев», в том же уставе говорится, что они должны быть очень деятельны и «помнить, что принципы, программы и правила только тогда и стоят чего-нибудь, когда личности, которые должны приводить их в исполнение, носят в себе черта в теле».

В этих словах содержится идеализация основного свойства профессионального революционера в том виде, как его рисовал себе Бакунин, который сам был законченным образчиком этой, позже почти исчезнувшей в Европе, породы. Готовность во всякий момент отказаться не только от условий мирного существования, но и рискнуть своей буйной головешкой в интересах «дела», активное неприятие существующего строя, решимость и энергия, склонность к самым отчаянным выступлениям — таковы были те черты, которых Бакунин требовал от профессионального революционера и которыми он сам обладал в полной мере. Эти-то черты он и объединяет в символическом выражении «черта в теле».

Все эти свойства должны служить «делу разрушения». Но, как мы знаем, Бакунин не понимал разрушительной работы в исключительно отрицательном смысле. Напротив, для него разрушение и созидание связаны неразрывно. «Эти две стороны одного и того же вопроса, — одна отрицательная, а другая положительная, — неотделимы одна от другой. Никто не может стремиться к разрушению, не представляя себе хотя бы в отдаленной форме, справедливой или ложной, тот порядок вещей, который должен, по его мнению, заменить существующий в настоящее время, и чем живее он представляет себе этот идеал, тем могучее становится его разрушительная сила; и чем больше этот желанный строй приближается к истине, т. е. чем более он соответствует необходимому развитию современного социального мира, тем опаснее и полезнее становятся результаты его разрушительной

* «Кнута-Германская Империя», стр. 99.

** [Дьявол во плоти (фр.).]

деятельности. Ибо разрушительная деятельность не только по своему существу и по степени своей интенсивности, но и по своей форме, по своим путям и средствам всегда обуславливается тем положительным идеалом, который составляет ее основной импульс, ее душу»*.

Разрушение симпатично Бакунину не само по себе, а именно в интересах созидания. «Перед тем, как творить, или, лучше сказать, перед тем, как помогать народу творить новые организации (т. е. анархическую организацию после “разрушения государства”. — Ю. С.), необходимо добиться победы. Что бы там ни говорили, господствующая в настоящее время система сильна не своею идеею и внутреннею моральною крепостью, которые в действительности ничтожны, а всею механическою, бюрократическою, военною и полицейскою организациею государства, знанием и богатством классов, заинтересованных в ее поддержке»**. Все это необходимо разрушить именно для того, чтобы на развалинах государства построить новое идеальное общество.

Совершенно естественно, что Бакунин отвергает путь мирной деятельности в интересах народного освобождения. «Другой путь — боевой, бунтовской. В него мы верим, и только от него мы ждем спасения»***. Относительно России Бакунин говорил, что народ наш находится «в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню»****. Но и относительно Запада он, вплоть до своего разочарования в революционности европейских народных масс, придерживался такого же революционного оптимизма. «Мы в разгаре революции»*****, — готов он был сказать не только во время франко-прусской войны, но и во всякую минуту. И это неудивительно, если припомнить, что для Бакунина бедственное экономическое положение народных масс равнозначительно было их бунтовскому настроению и революционному состоянию страны. Народ всегда-де готов к революции, к принесению всевозможных жертв потому, что, «имея лишь очень мало или не имея вовсе собственности, народные массы не развращены ею». Для революции требуется нищета масс, «их отчаяние и общенародный идеал, вера народа в свое право, а этот идеал и эта вера, как мы увидим ниже, всегда существуют в народном сознании, по убеждению Бакунина^{6*}.

* «Protestation de l'Alliance» [«Протест Альянса»] (loc. cit. [ссылка на первоисточник настоящей публикации], стр. 66–67).

** «Циркулярное послание», loc. cit., стр. 352–353.

*** «Государственность и Анархия», стр. 260.

**** Ibidem [там же].

***** «Lettres à un français», «Oeuvres», том II, стр. 227.

^{6*} «Государственность и Анархия», стр. 32, 36–37, 247 и след.

Итак, бунт всегда возможен, но всегда ли он полезен? Бакунин, не колеблясь, утвердительно отвечает на этот вопрос. «Всякий бунт, — говорит он, — как бы неудачен он ни был, всегда полезен»*. И полезен он в двояком отношении: во-первых, он приучает народ верить в свои силы и развивает в нем энергию (что сплошь и рядом дело обстоит как раз наоборот, что неудачные, преждевременные, разрозненные восстания уничтожают зародыши организации там, где они существуют, и повергают массу в уныние, — над этим Бакунин вплоть до Парижской Коммуны, да иногда и после нее, не очень-то задумывался); а во-вторых, потому, что при повсеместном революционном настроении народа всякий частичный бунт при известных благоприятных условиях легко может перейти во всеобщее народное восстание, в революцию. Он страшно преувеличивал всякое стихийное движение масс и готов был признать его за первую ласточку «социальной ликвидации». Вспоминая о движении против налога на помол, имевшем место в Палермо в 1866 году, он даже такому чисто местному и ограниченному брожению, вдобавок лишенному всякой сознательной революционной мысли, приписывает самое серьезное значение и прямо говорит, что если бы это движение было поддержано революционной интеллигенцией, и если бы оно было хорошо организовано (вот именно «если бы!»), то оно привело бы к глубокой революции**. Поражения, понесенные массой во время отдельных стихийных бунтов, ничуть не обескураживали Бакунина. И еще в 1873 году, уже после лионского, марсельского и парижского опытов, он говорил Дебагорию-Мокриевичу: «Пусть нас разобьют раз, десять раз, двадцать раз, но если в двадцать первый раз народ нас поддержит, то жертвы окупятся»***. Что после двадцати неудачных вспышек народ может на двадцать первую не пойти, это Бакунину, видимо, не приходило в голову. Напротив, для него гораздо характернее постоянная ставка ва-банк. «Пан или пропал», — говорит он, отправляясь в Лион, чуть ли не с декретом об уничтожении государства в кармане****. И только после ряда горьких опытов он убеждается (да и то с последующими рецидивами революционной лихорадки), что с помощью такого метода в паны попасть трудновато.

* «Государственность и Анархия», стр. 260. — Исключения, вроде замечаний в статье о «Двойной женевской стачке» (1869 год), у Бакунина весьма редки.

** «Oeuvres», том VI, стр. 348–349.

*** «Воспоминания Вл. Дебагория-Мокриевича», СПб. 1906 г., стр. 97.

**** «Переписка» [Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896], стр. 305. Подробно о лионской попытке см. в первой части IV тома [издания первоисточника].

Впрочем, Бакунина интересовала главным образом *самодетельность народных масс*, непосредственное решение ими своей собственной судьбы. Замечательно, что Бакунин, предвосхитивший во многих пунктах теорию «революционного синдикализма», употребил также (правда, по другому поводу) то выражение *action directe*, — непосредственное (прямое) действие, — которому впоследствии суждена была такая громкая слава в качестве синдикалистского лозунга. В «Письмах к французу о современном кризисе» он, говоря о грозящей Франции катастрофе, замечает, что предотвратить ее может только «всемогущее прямое действие самого народа»*. Завещанный французскому обществу якобинцами культ государства, по словам Бакунина, губит страну, «парализуя единственный остающийся у нее источник и единственное средство освобождения — свободное развитие народных сил»**. Это свободное развитие народных сил, эта самостоятельная деятельность народных масс в глазах Бакунина имела столь колоссальное историческое значение, что он готов был примириться со всеми ее временными и случайными промахами и заблуждениями. Главное — это активность, а не созерцание, не резонерство. Говоря о разрыве между французской буржуазией и пролетариатом, он приветствует его, но лишь под тем условием, «чтобы этот разрыв был не пассивным, а активным»***, и мысль об индифферентном отношении французских рабочих к нашествию пруссаков кажется ему нестерпимой. Вместе с гётевским Фаустом² он готов сказать: «Вначале было дело». Если за словами не следует дело, они ничего не стоят. «Будем мало говорить о революции, а будем много ее делать, — замечает он. — Оставим теперь другим заботу теоретически развивать принципы социальной революции и удовольствуемся широким их применением, воплощением их в факты»****.

Факт противопоставляется слову не только в том смысле, что первый есть нечто конкретное и реальное, тогда как второе сплошь и рядом представляет пустую абстракцию, но еще — и даже главным образом — в том отношении, что народная масса, по мнению Бакунина, способна воспринимать идеи только в конкретной, фактической оболочке. «Народ мыслит фактами, а не словами, — говорит Бакунин, — он большей частью презирает слова. Поэтому надо убеждать его фактами, а не абстрактно-логическими

* «Oeuvres», том II, стр. 119.

** «Кнута-Германская Империя», стр. 23.

*** «Oeuvres», том II, стр. 254.

**** Ibid., стр. 226–227.

заклучениями»*. Бакунин говорит это по поводу того, что было бы нелепо бороться с религиозными предрассудками народа путем книжной или словесной пропаганды свободомыслия. Но то же самое он говорит относительно пропаганды социально-революционных идей вообще. «Только отдельные лица, да и то не в большом числе, действуют под влиянием отвлеченной и чистой “идеи”. Миллионы, массы не только среди пролетариата, но и среди образованных и привилегированных классов обыкновенно поддаются только силе и логике “фактов”, так как в большинстве случаев они понимают и имеют в виду лишь свои непосредственные интересы или минутные страсти, всегда в большей или меньшей степени слепые»**. Отсюда Бакунин между прочим делает тот вывод, что *вести агитацию среди рабочих необходимо на почве их ближайших насущных потребностей*, — идея, которую впоследствии усвоили русские бакунисты, «бунтари» или «народники», применив этот метод сначала к крестьянству, а затем и к рабочим; этою же идею впоследствии вдохновлялась русская социал-демократия, хотя и не сопровождала ее теми комментариями, которые ей придавал сам Бакунин и его последователи — бунтари.

Подорвать во французском крестьянстве его реакционные устремления правительственными мерами или абстрактной пропагандой революционеров решительно невозможно, говорит Бакунин. «Системе революционных декретов я противопоставляю систему *революционных фактов*, единственно действительную, последовательную и верную, помимо вмешательства какого бы то ни было официального или авторитарного насилия»***. Никакими декретами, приказами или увещаниями здесь ничего не сделаешь; необходимо вызвать самодеятельность самих масс, способствовать их вольной организации снизу вверх, а главное — показать им наглядный пример. Бонапартистские предрассудки французского крестьянства необходимо разрушить *в фактах*, разбивая административную машину и подрывая влияние людей, поддерживающих империалистический фанатизм (при этом Бакунин проявляет такую осторожность, что не советует ничего говорить против императора лично).

«На крестьянина, натуру реалистичную и недоверчивую, можно сильно действовать только позитивными средствами. Достаточно сказать, что декреты и прокламации, будь они даже подписаны всеми

* «Всесветный союз» [Всесветный революционный союз социальной демократии: Русское отделение — к русской молодежи. — [Genève, 1870]], стр. 33.

** «Protestation de l'Alliance», — «Oeuvres», том VI, стр. 70.

*** «Oeuvres», том II, стр. 95.

членами, впрочем, совершенно неизвестными ему, правительства Национальной обороны, равно как и газетные статьи, не имеют на него никакого влияния. Крестьянин не читает. Ни его воображение, ни его сердце не открыты идеям, поскольку они появляются в литературной или абстрактной форме. Чтобы повлиять на него, эти идеи должны быть даны ему с помощью живого слова живых людей и силою фактов. Тогда он слушает, понимает и под конец дает себя убедить»*.

При этом Бакунин поясняет, что «индивидуальная пропаганда, если даже она ведется самыми великими революционерами на свете, не может иметь особенно большого влияния на крестьян. Риторика не производит на них никакого впечатления, и слова, если они не являются манифестацией силы и не сопровождаются непосредственно фактами, остаются для них только словами»**. Раз в наличности имеется хотя бы небольшая организованная группа революционеров, она должна окунуться в народный океан и пропагандировать свои принципы «уже не словами, а фактами, так как это — самая популярная, самая могучая и самая непреодолимая форма пропаганды***».

Революционеры должны являться в деревню не по одиночке, а целыми дружинами; лучше всего, если последние будут состоять из рабочих, так как рабочие из всех классов общества ближе всего стоят к крестьянству. Эти дружины не должны ограничиваться словесной пропагандой, а показать крестьянам наглядный пример «социальной ликвидации»: они должны захватить правительственные здания, сместить административных лиц, конфисковать правительственные капиталы, сжечь все официальные бумаги и всякого рода документы, в которых концентрирована эксплуатация народа высшими классами, и призвать крестьян к свободной, автономной организации****. Такова бакунинская тактика, которая лишь отчасти была усвоена русскими бунтарями и почти в полном виде применена была итальянскими анархистами во время известной беневентской попытки*****.

Так сложилась анархическая теория «пропаганды фактами», *расчитанная главным образом на крестьянскую массу*, расшевелить

* «Кнудо-Германская Империя», стр. 39.

** Ibid., стр. 49.

*** «Oeuvres», том II, стр. 227.

**** «Письма к французам» и «Кнудо-Германская Империя», *passim*.

***** См. нашу книгу «Первый Интернационал», часть II, глава VII. [Стеклов Ю. М. Интернационал (1864–1914). В 3-х ч. Пг., [1918]. Ч. 1: Первый интернационал: (1864–1872). [1918]; Ч. 2: Анархический Интернационал (1872–1881). 1918.]

которую иными средствами бунтари не считали возможным (да оно и понятно ввиду тех целей, которые они себе ставили). Задачей этой «пропаганды фактами» было: уронить авторитет государства в глазах народа, призвать последний к самостоятельному «антигосударственному» действию, а главное — установить, говоря словами Бакунина, «живую бунтовскую связь между разъединенными общинами».

Совершенно естественно, что различные социальные элементы Бакунин оценивал сплошь и рядом преимущественно с точки зрения их готовности и склонности к бунтовским выступлениям, с точки зрения интенсивности их бунтовского чувства. Он готов был и пролетариат ценить с этой специфической точки зрения, и вполне понятно, что в этом отношении он должен был отдавать преимущество не рабочей интеллигенции, по его мнению зараженной «буржуазным» духом, а люмпен-пролетариату, как элементу более подходящему для всякого рода бунтарских экспериментов. С этой же точки зрения он ценил и революционное крестьянство, которому он также отдавал предпочтение перед рабочей интеллигенцией. Что он восхваляет «уличного мальчишку-гамена³, революционера и героя»*, этого деятельного участника всех революционных потрясений и застрельщика всех мятежей, это еще куда ни шло: для преклонения перед этим сыном парижской мостовой не нужно быть анархистом. Ведь и Гюго⁴ (в «Несчастных») увенчал его лаврами. Но Бакунин в своей апологии бунтарства пошел дальше и дошел до идеализации разбоя. Возмущаясь смирением крестьянской общины, покорно гнувшей шею перед своими угнетателями, и отыскивая в русской действительности такой социальный элемент, который, как ему казалось, был российским воплощением идеи бунта, он открыл его в разбойниках. «Кроме царя, его чиновников и дворян, стоящих, собственно, вне мира или, вернее, над ним, — говорит он в “Государственности и Анархии”, — есть в самом русском народе лицо, смеющее идти против мира: это — разбойник. Вот почему разбой составляет важное историческое явление в России, — первые бунтовщики, первые революционеры в России, Пугачев и Стенька Разин, были разбойники»**. В известном письме к Герцену и Огареву от 19 июля 1866 года он по-

* «Государственность и Анархия», стр. 178.

** «Государственность и Анархия», стр. 256. — Ср. «Постановку революционного вопроса» и другие бакунинские писания нечаевского периода (см. четвертую часть этого тома). Если бы это было даже верно (а еще весьма сомнительно, можно ли зачислить Пугачева и Стеньку Разина в разряд разбойников *tout court*), то смешивать с разбоем массовые народные движения, хотя и сопровождающиеся эксцессами, вряд ли дозволено. Мы не говорим уже о том, что

лемизирует с их преклонением перед великорусской крестьянской общиной и в противовес ее рабской покорности снова не находит в русской жизни другого антипода этой покорности, кроме разбойного мира, если не считать мира раскольников, который он в то время также идеализировал вместе с Герценом и Огаревым. «Есть, правда, другая сторона, — говорит он там, — бунтовская, стеньки-разиновская, пугачевская, раскольничья, — единственная сторона, от которой должно, по моему мнению, ждать морализации и спасения для русского народа. Ну, да это сторона уж не мирно развивающаяся, не государственная, а чисто-революционная, — революционная даже и тогда, когда она пробуждается с призывом царского имени»*.

Особенно подробно Бакунин развивал свою идеализацию разбоя в «Постановке революционного вопроса». Здесь он признал разбой одною из почетнейших форм русской народной жизни и рекомендовал революционной молодежи идти в этот разбойничий мир наряду с крестьянством для сплочения сил того и другого в народную революцию.

Эти наставления можно было бы принять за шутку или даже за злостную карикатуру. Но, увы! Бакунин писал все это всерьез. Перед лицом европейской публики он не позволял себе выступать с подобной проповедью**, хотя и в Европе, а особенно в излюбленной им Италии, разбойников всякого рода имелось тогда немало. Но все дело в том, что в Европе, кроме разбойников, были еще гамены, босяки, а также более серьезные элементы, как пролетариат и революционное крестьянство. В России же*** Бакунин, кроме разбойников, других элементов с «чертом в теле» не усмотрел

разбойники проникнуты самой вульгарной мещанской и собственнической психологией (см., например, «Записки из Мертвого дома» Достоевского).

* «Переписка», стр. 177.

** Но, как увидим ниже, в частных беседах с особенно близкими лицами, как, например, с А. Ришаром⁵, он излагал приблизительно такие же взгляды на разбой, хотя, разумеется, не выставлял разбойников в качестве единственных и надежнейших революционеров.

*** В странах отсталых и преимущественно крестьянских энергичные личности, не желающие мириться с насилием помещиков и агентов дворянской власти, часто уходили в банды и по-своему протестовали против диких общественных условий. В таких странах среди порабощенной массы, смиренно переносившей иго помещичьего государства, действительно складывалась идеализация разбойников, лихих ребят, гайдуков (как на Балканах, в Болгарии, Румынии, Сербии, так и в России, отчасти в старой Австрии и т. п.). Отголоском таких настроений подавленных сельских масс этих отсталых стран и является идеализация разбоя у Бакунина.

и на этой почве революционного запоя договорился до таких нелепостей, как отождествление разбойников с революционерами, и до приглашения учащейся молодежи идти в разбойничий мир, в интересах народного освобождения*.

Характерно, что аналогичную идею слияния революционного движения с разбойным миром проповедовал в 40-х годах немецкий коммунист Вейтлинг, когда он оторвался от массового рабочего движения и уединился в гордом озлоблении. Бакунин, как мы знаем, познакомился с Вейтлингом в Швейцарии. Кто из них на кого повлиял в этом вопросе, неизвестно; но очень может быть, что наш «скиф» и «варвар» внушил несчастному Вейтлингу эту гениальную идею. Впрочем, даже Вейтлинг не доходил до признания уголовных преступников «настоящими и единственными революционерами»**.

Но, будучи сторонником инсurreкционных вспышек⁸ и активных выступлений инициативного меньшинства, Бакунин в то же время высказывался не за индивидуальные, а лишь за групповые акты. *Его бунтарство имело коллективный, а не индивидуальный характер.* Относительно некоторых личных покушений террористического характера он высказывался прямо отрицательно, находя их вредными для народного дела. Мы помним его отзывы в таком смысле о покушении Ярошинского на вел. кн. Константина в Польше (1862 год)⁹ и о покушении Каракозова на Александра II***. И даже в произведениях нечаевского периода («Народная Расправа» № 1, «Начала революции» и т. д.), где он высказывается в пользу террора****, он связывает его с предстоящим народным восстанием и придает ему не индивидуальный, а коллективный характер, направленный против целого класса (см. ниже). Таким образом Бакунина нельзя считать родоначаль-

* По этому поводу удачно выразился Жорес⁶, говоря о «Разбойниках» Шиллера: «Если дело справедливости принимает формы разбойничества, если защиту бедного крестьянина и честного торговца против притеснений дворян и юристов берут на себя разбойники с большой дороги, это — лишь доказательство того, что возможность нового политического и социального порядка еще и не чувствуется» («История великой французской революции», ГИЗ, Москва, том III, выпуск II, стр. 70).

** Восхваление разбойничьих методов борьбы с буржуазией мы встречаем у Дежака⁷ (см. выше), а также в последующем анархизме (французском, австрийском, особенно русском).

*** «Переписка», стр. 183.

**** О принадлежности этих писаний Бакунину см. в четвертой части этого тома [ссылка на источник настоящей публикации].

ником тех анархистов, которые впоследствии взрывали частные дома, бросали бомбы в театры и кафе и совершали покушения на разных административных лиц. В пользу такой тактики озлобленных одиночек Бакунин никогда не высказывался*.

Бакунин был глубоко убежден в спасительности и полезности бунтарского метода действий. Но при этом он признавал *колоссальное значение организации*. «Рабочих много, — говорил он, — но численность не значит ничего, если она не организована»**. Неудачу народных движений в Лионе, Марселе и других городах Франции 1870–1871 годов он объяснял именно отсутствием организации. Массы, говорил он, это сила, по крайней мере существенный элемент всякой силы; но им недостает двух вещей: организации и знания, которые как раз и составляют силу всех правительств. «Итак, прежде всего организация, которая, впрочем, немислима без помощи науки. Благодаря военной организации один батальон, состоящий из тысячи вооруженных людей, может сопротивляться и действительно сопротивляется целому миллиону народа, тоже вооруженному, но не организованному. С помощью бюрократической организации государство, располагая несколькими сотнями тысяч служащих, держит в цепях колоссальные страны. Поэтому для того, чтобы создать народные силы, способные раздавить военную и гражданскую силу государства, необходимо организовать пролетариат»***. И за эту организацию пролетариата он восхваляет Международную ассоциацию рабочих.

То же самое он говорит, обращаясь к своим итальянским последователям: «Справедливость вашего дела не подлежит сомнению,

* В своих «Воспоминаниях» Дебогорий-Мокриевич выражается по этому поводу следующим образом: «На этой почве последователями Бакунина была потом построена доктрина так называемого “парлефетизма” (*propagande par le fait*) в противовес пропаганде словом, приведшая, в конце концов, к анархическим бомбам, столь волнующим в настоящее время цивилизованный мир. Однако разница между современным анархизмом и бакунинским уже прежде всего та, что Бакунин всегда стремился к созданию *организованного бунта*, а ничуть не единичных убийств, совершаемых к тому же по *личному* усмотрению, как это мы видим теперь во Франции, — и считать Бакунина ответственным за последние события было бы несправедливо» (стр. 94–97).

** «Письмо к французам», — «Oeuvres», том II, стр. 256.

*** «Protestation de l'Alliance», — «Oeuvres», том VI, стр. 83.

но чего вам недостает, так это организации ваших сил: организуйте их, а затем ниспровергните все, что противится осуществлению вашей справедливости»*. Наконец, как мы знаем, временный успех Коммуны и самый факт ее провозглашения он приписывает главным образом организованности парижских рабочих**. И свои лекции, читанные юрским рабочим, он заключает горячим призывом к организации***.

Правда, пропаганда постоянных бунтов, как якобы самого полезного и спасительного дела, и призыв к организации, как единственному залого успеха, решительно противоречат друг другу. Но Бакунин над этим не задумывался. Вернее, он ставил вопрос как раз наоборот и полагал, что именно в процессе систематических активных выступлений подберутся решительные характеры, создадутся и упрочатся зачатки организации. Действительность показала, что в этом отношении он жестоко заблуждался, а практика его итальянских последователей, особенно усердно применявших рекомендованную им тактику, привела к тому, что зародыши интернационалистических организаций в Италии были совершенно разгромлены, а это, естественно, не могло не вызвать решительной реакции против бакунистских методов борьбы.

Нужно, впрочем, сказать, что иногда голос благоразумия брал у Бакунина верх над революционной чесоткой. Тогда он высказывал довольно осторожные мысли, о которых, впрочем, очень скоро забывал, так что их отнюдь нельзя признать для него характерными. При этом он иногда впадал даже в преувеличения, перегибая палку в другую сторону. Так, говоря о движении британского пролетариата, он между прочим замечает, что «самая медленность развития движений английских работников есть верный залог непобедимой крепости и неотвратимо разрушительной силы этих движений»****. Особенно интересна в этом отношении его статья «Двойная женевская стачка», помещенная в газете «Равенство» в апреле 1869 года*****. Здесь Бакунин решительно высказывается против преждевременных вспышек и предупреждает женевских рабочих не поддаваться на провокацию буржуазии, которая явно стремится вызвать рабочих на бой раньше, чем они успели надлежащим образом организовать свои силы. Революционен ли Интернационал в смысле баррикад

* «Циркулярное послание», — «Oeuvres», том VI, стр. 362.

** «Переписка», стр. 316–317.

*** «Trois conférences» [«Три лекции»] и т. д., — «Oeuvres», том V, стр. 369.

**** «Всесветный союз», стр. 52.

***** «Oeuvres», том V, стр. 37 и след.

и насильственного низвержения существующего политического строя? — спрашивает Бакунин. Ничуть, — спешит он ответить; более того, проявляя больше роялизма, чем сам король, он спешит уверить читателей, что справедливость осуществится без всякого насилия. Указывая на попытки женевской буржуазии вызвать со стороны рабочих какие-нибудь эксцессы, чтобы раздавить их вооруженной силой, он продолжает: «Рабочие, пойдем ли мы на эту грубую удочку? Нет! Мы доставим этим слишком много удовольствия буржуа и надолго погубим наше дело».

Итак, не всякий бунт полезен? По-видимому, так. По крайней мере, Бакунин ужасно гордился этой статьей и обращал на нее внимание своих юрских друзей в письме, в котором он между прочим иронически писал: «Я выступаю здесь в роли реакционера. Наборщики, очень плохо рассчитавшие и поведшие свои дела, видя, что они зашли в тупик, хотели бы увлечь Интернационал на уличные манифестации, которые если бы они не привели сначала к угрозам, а затем к насилию, ничем бы не кончились, а если бы имели драматический исход, то закончились бы разгромом Интернационала».

В одном номере со статьей «Двойная женевская стачка» помещена была небольшая заметка о рабочей организации*, написанная в таком же духе. Здесь швейцарским, а также бельгийским рабочим рекомендуется потерпеть, пока сигнал к социальному преобразованию не дан будет какой-нибудь великой страной, вроде Англии, Франции или Германии, а в ожидании этого им дается совет сплачиваться и учиться. Заметка кончается следующими словами: «Потерпите, потерпите, придет когда-нибудь день справедливости; а пока сплачивайте ваши ряды и укрепляйте вашу организацию»**.

Но, повторяем, такого рода заявления были у Бакунина совершенно исключительными и весьма мало соответствовали его обычной бунтарской тактике. Даже когда он разочаровался в близости социальной революции, он сохранил склонность к вспышкопускательству и в своих писаниях, обращенных к русским и к итальянцам, проповедовал прежнее бунтарство. На самые стачки, на рабочие союзы и т. п. он также смотрел главным образом с точки зрения порождения и укрепления ими бунтовского духа и приготовления рабочих к активным выступлениям. По общему складу его мысли другие методы

* Эта заметка, по мнению Гильома, принадлежит скорее Перрону, но Гильом поместил ее в полном собрании сочинений Бакунина, так как, по его словам, она вполне выражает те мысли, которые Бакунин проповедовал тогда среди швейцарских интернационалистов.

** «Oeuvres», том V, стр. 48 и след.

борьбы были ему непонятны или несимпатичны, и если он все-таки признавал их, то лишь в качестве орудия, способного подготовить решительное выступление и воспитать массу в бунтарском духе. *Но именно на почве этого бунтарского настроения в нем легко развилось разочарование.* Когда он убедился, что Европа из критического периода перешла в органический, и что в ближайшем будущем нельзя ожидать активных выступлений, он с такой же быстротой, с какою раньше готов был признать народ во всякий момент готовым к революции, поспешил поставить на нем крест и признать его обуржуазившимся. По существу это разочарование было так же бесплодно, как бесплодна была и бунтарская тактика, вопреки мнению Бакунина не создавшая никаких революционных сил, не приводившая к новой их организации, а, наоборот, производительно расточавшая ничтожный накопленный революционный капитал и безжалостно разрывавшая слабые нити едва начинавших складываться организаций.

